

ДВЕ СУДЬБЫ. ДВЕ ПРАВДЫ...

Жили-были две девочки. Совсем разные, не похожие друг на друга. И выпал им один жребий на двоих. И одна жизнь на двоих. Прожили они ее по-разному. И судьбы их сложились неодинаково. И жребий этот обернулся по-разному...

Но тогда, в далекие от нас годы, что-то случилось между ними такое, что неодолимо связало их судьбы в один узелок. И так у них получилась дружба на всю жизнь...

А началось все в детском доме в Компанейске. Отчего поселок, в котором был этот детский дом, так называли, и кто его так назвал, теперь уже и не вспомнить.

То был странный поселок. Круто замешанный на людском горе, потерях, смертях и доброте, и соучастии неизбывных. На бедности материальной и богатстве духовном. То богатство, в отличие от бедности, ничем и нечем было измерить.

И по сегодняшний день Компанейск - это место памяти и скорби, место стойкости и веры. Именно последнее и определило многое в судьбе тех, о ком поведу рассказ. Определило по-разному, но разве есть на свете два человека, ничем не отличающихся друг от друга?

Каждый человек - единственный. И каждый проживает только свою жизнь. И свою судьбу. И свою правду...

В детском доме жили сироты, то есть дети, у которых куда-то девались родители. Дети ничего или почти ничего не знали и не помнили об этих родителях и принимали свое существование в детском доме за данность.

Потому что другой жизни - как это бывает, когда есть мама, а тем более еще и папа - эти дети просто не знали.

Вто время, когда все это происходило, таких детей в стране было очень много...

Одну из девочек звали Дина Шулькевич. Она смутно помнила, что до детского дома было еще что-то - какие-то пожары, поезда, военные, трупы, собаки, холод, постоянное желание что-то съесть и еще более постоянное желание найти маму.

Потом были бараки, колючая проволока, какие-то женщины. И обещания показать маму.

Но маму так и не показали. И привезли сюда, в детский дом в Компанейск.

Другую девочку звали Ядя Подгородецкая. Она вообще ничего

не помнила до детского дома. То есть в ее жизни всегда был только детский дом. Череду кроватей, обед по звонку, сон по звонку, еда в металлической миске, хлеб по норме, прогулки в строю под присмотром нянечек. И никогда никто не обещал ей показать маму...

Дина Шулькевич попала в детский дом со странным документом, где в графе "родители" стоял прочерк, а в графе "национальность" - странное "Евр." с большой буквы.

Ядя Подгородецкая вообще не имела никаких документов, а в толстой книге в клеточку с неаккуратно разграфленными страницами чьим-то простым карандашом в графе "родители" было записано "мать - Подгородецкая Бронислава Анастасьевна, 1902 г.р."

Объединяло же девочек то, что обе они прибыли в Компанейский детский дом этапом из Карлага - Карагандинского ИТЛ НКВД.

О том, что осталось в памяти теперь уже далеко не молодой женщины - Дины Михайловны Шулькевич - о том времени, я писала в публикации "Без вины виноватые". Воспоминания эти полны горечи. Холод и неуют приюта, постоянное недоедание, побои, обмороки, отставание в учебе из-за незнания языка и неумения адаптироваться в неожиданных условиях, внутренний протест и постоянный психологический прессинг со стороны воспитателей - вот что осталось в памяти девочки, пережившей то ли арест матери, то ли депортацию, то ли ссылку, то ли эвакуацию...

Очевидно, где-то в бездонных ущельях памяти до этого была другая жизнь, какая-то женщина, то ли мама, то ли няня, окутанная туманом незнания странная девочка по имени Нонна - то ли сестра, то ли она сама...

Эта другая жизнь, забытая и тревожащая, не давала возможности привыкнуть к реалиям детского дома с его неумолимой чередой повторяющихся изо дня в день подробностей, которые оставались чужими и малопонятными...

У Яди - Ядвиги Ивановны Подгородецкой, в замужестве Ефименко, бездонных ущелий в памяти не было. Была четкая и принятая раз и навсегда реальность коллективного быта и бытия - другого в ее жизни никогда не было, другого она не знала и ни в каких снах не видела. И потому ее воспоминания о годах, проведенных в Компанейском детском доме, совсем иные, чем у Дины Михайловны Шулькевич. И тем интересны не менее.

Потому что две девочки проживали в этом детском доме одно детство на двоих. И детство это было разительно разным. Как и правда, которую они пытались и пытаются рассказать себе о тех годах...

Ядвигу Ивановну Подгородецкую удалось разыскать с помощью телепередачи "Жди меня", куда, как за последним спасеньем от тумана прошлого, ринулась после моей публикации в "Индустриальной Караганде" Дина Михайловна Шулькевич.

Живет она сегодня в России в Омской области. Я списалась с ней, и вот что рассказало мне ее письмо.

"Я действительно воспитывалась в Компанейском детском доме имени Крупской. Поступила я туда из Долинки 30 августа 1947 года. Нас, человек 15-20, привезли на машине. С Диней Шулькевич мы познакомились в детском доме и подружились. Из детдома она ушла раньше меня, у нас в поселке была пимокатная фабрика, Дина там была ученицей, а потом стала работать. Последний раз мы виделись в 1960 году.

В детском доме я часто болела. Помню, что меня и других воспитанников отправляли лечиться в санаторий в Боровое. В детдоме у нас была своя школа-семилетка. Некоторые, окончив ее, поступали в техникум, других посылали учиться в разные училища Караганды. Летом детей младших классов (кто хорошо учился) посылали в пионерский лагерь в Сортировку. Дети постарше ездили с воспитателем в колхоз на прополку овощей. Работали мы до обеда, после обеда отдыхали, купались в реке Нуре. Кормили нас хорошо. Осенью колхоз при-

возил в детский дом овощи и фрукты, которые мы заработали.

Было у нас и свое подсобное хозяйство. Старшеклассники помогали солить капусту, дежурили в столовой, делали вместе с воспитателями ремонт своего барака. В детдоме были швейный цех и токарные мастерские, дети в них работали с удовольствием.

Я ходила в швейный цех, там были женщина-закройщица и две швеи. Они обшивали нас, мы им помогали. Почти все девочки умели вышивать, вязать крючком и на спицах, шить. Нас приучали к труду, и это мне пригодилось в жизни.

С появлением нового директора (фамилию не помню, а в лицо помню до сих пор) жизнь в детдоме изменилась к лучшему. Мы стали ездить в гости к ребятам в другие детские дома - их в области было несколько. Они тоже приезжали к нам, мы устраивали концерты. Я с ребятами как-то ездила в гости в Каркаралинский детский дом.

К нам в гости приезжали бывшие воспитанники нашего детского дома. По воскресеньям нам показывали кино. Вечерами мы играли в лапту, городки, прятки..."

После детского дома жизнь Яди сложилась "по прямой" - окончила десять классов, пошла работать на обувную фабрику. Жилья не было - пришлось пополам с подружкой Лидой снять комнату. Комната была сырая, на полу все время проступала вода.

Потом удалось устроиться в училище - учиться на продавца. Детский дом, вспоминает, тогда помогал продуктами, что было очень существенно. А по воскресеньям ездила в Компанейск - тянул к себе детский дом, да и куда еще было ехать? Детский дом и был для Яди родным домом. Другого она никогда не знала.

Жизнь катилась по своей колее: замужество, дети, награды за отличный труд, позже повысила квалификацию - стала бухгалтером. Пришло время - вышла на пенсию...

В Омск перебралась вместе с семьей дочери. А недавно из местного Комитета по защите прав реабилитированных жертв политических репрессий сообщили: мол, ищет вас подруга из Караганды, Дина Михайловна Шулькевич. Более сорока лет прошло, как расстались, и вот надо же, разыскала!

"У нас в детском доме не принято было расспрашивать друг друга, кто ты, откуда и как попала в детдом. О своих родителях я не знала ничего, думала всегда, что

их нет в живых. И однажды...

Однажды мне приснился сон. Я увидела во сне очень старую женщину с палочкой, очень похожую на меня. Она смотрит на меня пристально, не отрывая глаз. Этот сон приснился мне еще два раза. И я подумала, что, наверное, это моя мать. И решила ее искать. Писанины было много, но я не отступала. И вот что я узнала. Оказывается, я родилась 27 января 1940 года в Долинке. Моя мать, Подгородецкая Бронислава Анастасьевна, 1902 года рождения, рабочая лесозавода в г. Канске Красноярского края, была арестована органами НКВД 30 августа 1937 года и необоснованно обвинена в том, что якобы среди рабочих проводила контрреволюционную работу. Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 4 декабря 1937 года ей было назначено наказание в виде 10 лет лишения свободы с отбыванием срока в Карагандинском ИТЛ (Карлаге).

В документах значилось, что "на 30 марта 1995 года Подгородецкая Б.А. проживала по адресу: г. Красноярск, ул. Славы, д. 1, кв. 89". Я сразу же написала письмо на этот адрес. Но опоздала...

Моя мать умерла в мае 1995 года. Из документов я также узнала, что на момент ареста моя мать имела дочь Аполину 12 лет, сыновей Симона 13 лет и Николая 10 лет.

Реабилитирована она была 10 февраля 1959 года "за отсутствием состава преступления".

Ни Дина Шулькевич, ни Ядя Подгородецкая не знали и не помнят своих матерей. С той только разницей, что Дина так и не узнала имя матери, а Ядя узнала его слишком поздно...

Искала ли Бронислава Анастасьевна Подгородецкая, невинно арестованная мать троих детей, простая рабочая лесозавода из Сибири, жертва террора 1937-го, свою в лагере рожденную девочку Ядю - кто знает? Думаю, искала. Я встречала таких матерей, которые до смертного часа жили надеждой найти потерянных в детских домах дочерей и сыновей, рожденных за колючей проволокой или ослепленных на произвол судьбы в сиротевших углах после ареста родителей. Далеко не всем удалось отыскать их...

Дина Шулькевич и Ядя Подгородецкая, две девочки из Компанейского детского дома, две судьбы, нашли друг друга через сорок лет после разлуки. У каждой из них своя жизнь. И своя правда о прошлом...

Екатерина КУЗНЕЦОВА